

Материал и задача лингвистики; ее отношение к смежным дисциплинам

Материалом лингвистики являются прежде всего все факты речевой деятельности человека как у первобытных народов, так и у культурных наций, как в эпоху расцвета того или другого языка, так и во времена архаические, а также в период его упадка, с охватом в каждую эпоху как форм обработанного, или «литературного», языка, так и форм просторечных — вообще всех форм выражения. Это, однако, не все: поскольку речевая деятельность в большинстве случаев недоступна непосредственному наблюдению, лингвисту приходится учитывать письменные тексты как единственный источник сведений о языках далекого прошлого или далеких стран. В задачу лингвистики входит:

а) описание и историческое обследование всех доступных ей языков, что ведет к составлению истории всех языковых семейств и по мере возможности к реконструкции их праязыков;

б) обнаружение факторов, постоянно и универсально действующих во всех языках, и установление тех общих законов, к которым можно свести отдельные явления в истории этих языков;

в) определение своих границ и объекта.

Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее ее данные, то предоставляют ей свои. Границы, отделяющие ее от этих наук, не всегда выступают вполне отчетливо. Так, например, лингвистику следует строго отграничивать от этнографии и от истории древних эпох, где язык учитывается лишь в качестве документа. Ее необходимо также отличать и от антропологии, изучающей человека как зоологический вид, тогда как язык есть факт социальный. Но не следует ли включить ее в таком случае в социологию? Каковы взаимоотношения лингвистики и социальной психологии? В сущности, в языке все психично, включая его и материальные и механические проявления, как, например, изменения звуков; и, поскольку лингвистика снабжает социальную психологию столь ценными данными, не составляет ли она с нею единое целое? Всех этих вопросов мы касаемся здесь лишь бегло, с тем чтобы вернуться к их рассмотрению в дальнейшем.

Отношение лингвистики к физиологии выясняется с меньшим трудом: отношение это является односторонним в том смысле, что при изучении языков требуются данные по физиологии звуков, тогда как лингвистика со своей стороны в распоряжение фи-

зиологии подобных данных предоставить не может. Во всяком случае, смешение этих двух дисциплин недопустимо: сущность языка, как мы увидим, не связана со звуковым характером языкового знака.

Что же касается филологии, то, как мы уже знаем, она резко отличается от лингвистики, несмотря на наличие между обеими науками точек соприкосновения и те взаимные услуги, которые они друг другу оказывают.

В чем заключается практическое значение лингвистики? Весьма немногие люди имеют на этот счет ясное представление, и здесь не место о нем распространяться. Во всяком случае, очевидно, что лингвистические вопросы интересны для всех тех, кто, как, например, историки, филологи и др., имеет дело с текстами. Еще очевидно значение лингвистики для общей культуры: в жизни как отдельных людей, так и целого общества речевая деятельность является важнейшим из всех факторов. Поэтому немислимо, чтобы ее изучение оставалось в руках немногих специалистов. Впрочем, в действительности ею в большей или меньшей степени занимаются все; но этот всеобщий интерес к вопросам речевой деятельности влечет за собой парадоксальное следствие: нет другой области, где возникало бы больше нелепых идей, предрассудков, миражей и фикций. Все эти заблуждения представляют определенный психологический интерес, и первейшей задачей лингвиста является выявление и по возможности окончательное их устранение.

Г л а в а 3

Объект лингвистики

§ 1. Определение языка

Что является целостным и конкретным объектом лингвистики? Вопрос этот исключительно труден, ниже мы увидим, почему. Ограничимся здесь показом этих трудностей.

Другие науки оперируют заранее данными объектами, которые можно рассматривать под различными углами зрения; ничего подобного нет в лингвистике. Некто произнес французское слово *ли* «обнаженный»: поверхностному наблюдателю покажется, что это конкретный лингвистический объект; однако более пристальный взгляд обнаружит в *ли* три или четыре совершенно различные вещи в зависимости от того, как он будет рассматривать это слово: только как звучание, как выражение определенного понятия, как соответствие латинскому *nūdum* «нагой» и т.д. В лингвистике объект

вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими.

Кроме того, какой бы способ мы ни приняли для рассмотрения того или иного явления речевой деятельности, в ней всегда обнаруживаются две стороны, каждая из которых коррелирует с другой и значима лишь благодаря ей.

Приведем несколько примеров:

1. Артикулируемые слоги — это акустические явления, воспринимаемые слухом, но сами звуки не существовали бы, если бы не было органов речи: так, звук *л* существует лишь в результате корреляции этих двух сторон: акустической и артикуляционной. Таким образом, нельзя ни сводить язык к звучанию, ни отрывать звучание от артикуляторной работы органов речи; с другой стороны, нельзя определить движение органов речи, отвлекаясь от акустического фактора.

2. Но допустим, что звук есть нечто простое: исчерпывается ли им то, что мы называем речевой деятельностью? Нисколько, ибо он есть лишь орудие для мысли и самостоятельного существования не имеет. Таким образом возникает новая, осложняющая всю картину корреляция: звук, сложное акустико-артикуляционное единство, образует в свою очередь новое сложное физиолого-мыслительное единство с понятием. Но и это еще не все.

3. У речевой деятельности есть две стороны: индивидуальная и социальная, причем одну нельзя понять без другой.

4. В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию; в любой момент речевая деятельность есть одновременно и действующее установление (*institution actuelle*) и продукт прошлого. На первый взгляд различие между системой и историей, между тем, что есть, и тем, что было, представляется весьма простым, но в действительности то и другое так тесно связано между собой, что разъединить их весьма затруднительно. Не упрощается ли проблема, если рассматривать речевую деятельность в самом ее возникновении, если, например, начать с изучения речевой деятельности ребенка? Нисколько, ибо величайшим заблуждением является мысль, будто в отношении речевой деятельности проблема возникновения отлична от проблемы постоянной обусловленности. Таким образом, мы продолжаем оставаться в том же порочном кругу.

Итак, с какой бы стороны ни подходить к вопросу, нигде объект не дан нам во всей целостности; всюду мы натываемся на ту же

дилемму: либо мы сосредоточиваемся на одной лишь стороне каждой проблемы, тем самым рискуя не уловить присущей ей двусторонности, либо, если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем дверь перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т.д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов.

По нашему мнению, есть только один выход из всех этих затруднений: *надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (попте) для всех прочих проявлений речевой деятельности.* Действительно, среди множества двусторонних явлений только язык, по-видимому, допускает независимое (autopome) определение и дает надежную опору для мысли.

Но что же такое язык? По нашему мнению, понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык — только определенная часть — правда, важнейшая часть — речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; ее нельзя отнести определенно ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство.

В противоположность этому язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации. Отводя ему первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе вообще не поддается классификации.

На это выдвинутое нами положение об отправном начале классификации, казалось, можно было бы возразить, утверждая, что осуществление речевой деятельности покоится на способности, присущей нам от природы, тогда как язык есть нечто усвоенное и условное, и что, следовательно, язык должен занимать подчиненное положение по отношению к природному инстинкту, а не сто-

ять над ним. Вот что можно ответить на это. Прежде всего, вовсе не доказано, что речевая деятельность в той форме, в какой она проявляется, когда мы говорим, есть нечто вполне естественное, иначе говоря, что наши органы речи предназначены для говорения точно так же, как наши ноги для ходьбы. Мнения лингвистов по этому поводу существенно расходятся. Так, например, Уитни, приравнивающий язык к общественным установлениям со всеми их особенностями, полагает, что мы используем органы речи в качестве орудия речи чисто случайно, просто из соображений удобства; люди, по его мнению, могли бы с тем же успехом пользоваться жестами, употребляя зрительные образы вместо слуховых. Несомненно, такой тезис чересчур абсолютен: язык не есть общественное установление, во всех отношениях подобное прочим; кроме того, Уитни заходит слишком далеко, утверждая, будто наш выбор лишь случайно остановился на органах речи: ведь этот выбор до некоторой степени был нам навязан природой. Но по основному пункту американский лингвист, кажется, безусловно прав: язык — условность, а какова природа условно избранного знака, совершенно безразлично. Следовательно, вопрос об органах речи — вопрос второстепенный в проблеме речевой деятельности.

Положение это может быть подкреплено путем определения того, что разумеется под *членораздельной речью* (*langage articulé*). Поллатыни *articulus* означает «составная часть», «член(ение)»; в отношении речевой деятельности членораздельность может означать либо членение звуковой цепочки на слоги, либо членение цепочки значений на значимые единицы; в этом именно смысле по-немецки и говорят *gegliederte Sprache*. Придерживаясь этого второго определения, можно было бы сказать, что естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (*langage parlé*), а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям.

Брокá открыл, что способность говорить локализована в третьей лобной извилине левого полушария большого мозга; и на это открытие пытались опереться, чтобы приписать речевой деятельности естественно-научный характер. Но, как известно, эта локализация была установлена в отношении *всего*, имеющего отношение к речевой деятельности, включая письмо; исходя из этого, а также из наблюдений, сделанных относительно различных видов афазии в результате повреждения этих центров локализации, можно, по-видимому, допустить: 1) что различные расстройства устной речи разнообразными путями неразрывно связаны с

расстройствами письменной речи и 2) что во всех случаях афазии или аграфии нарушается не столько способность произносить те или иные звуки или писать те или иные знаки, сколько способность любыми средствами вызывать в сознании знаки упорядоченной речевой деятельности. Все это приводит нас к предположению, что над деятельностью различных органов существует способность более общего порядка, которая управляет этими знаками и которая и есть языковая способность по преимуществу. Таким путем мы приходим к тому же заключению, к какому пришли раньше.

Наконец, в доказательство необходимости начинать изучение речевой деятельности именно с языка можно привести и тот аргумент, что способность (безразлично, естественная она или нет) артикулировать слова осуществляется лишь с помощью орудия, созданного и предоставляемого коллективом. Поэтому нет ничего невероятного в утверждении, что единство в речевую деятельность вносит язык.

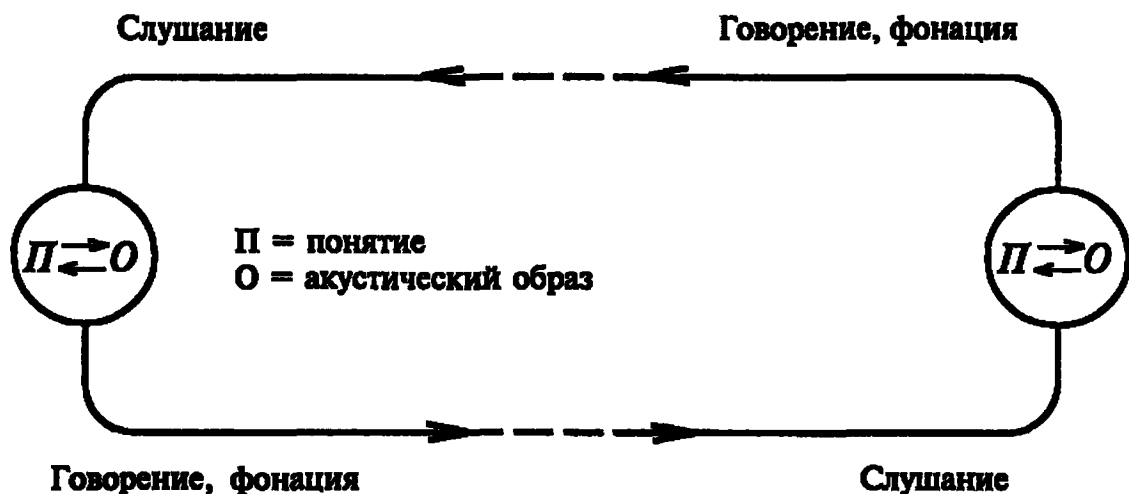
§ 2. Место языка в явлениях речевой деятельности

Для того чтобы во всей совокупности явлений речевой деятельности найти сферу, соответствующую языку, надо рассмотреть индивидуальный акт речевого общения. Такой акт предполагает по крайней мере двух лиц — это минимум, необходимый для полноты ситуации общения. Итак, пусть нам даны два разговаривающих друг с другом лица: А и В (см. рисунок на следующей странице).

Отправная точка акта речевого общения находится в мозгу одного из разговаривающих, скажем А, где явления сознания, называемые нами «понятиями», ассоциируются с представлениями языковых знаков, или с акустическими образами, служащими для выражения понятий. Предположим, что данное понятие вызывает в мозгу соответствующий акустический образ — это явление чисто *психического* порядка, за которым следует *физиологический* процесс: мозг передает органам речи соответствующий образу импульс, затем звуковые волны распространяются из уст А к ушам В — это уже чисто *физический* процесс. Далее процесс общения продолжается в В, но в обратном порядке: от уха к мозгу — физиологическая передача акустического образа; в мозгу — психическая ассоциация этого образа с соответственным понятием. Когда В заговорит в свою очередь, во время этого нового акта речи будет проделан в точности тот же самый путь, что и во время первого, — от мозга В к мозгу А речь пройдет через те же самые фазы.

Все это можно изобразить следующим образом:

Этот анализ не претендует на полноту. <...> Но мы приняли во внимание лишь те элементы, которые считаем существенными; наша схема позволяет сразу же отграничить элементы физические (звуковые волны) от элементов физиологических (говорение, фонация и слушание) и психических (словесные образы и понятия). При этом в высшей степени важно отметить, что словесный образ не совпадает с самим звучанием и что он столь же психичен, как и ассоциируемое с ним понятие.

Речевой акт, изображенный нами выше, может быть расчленен на следующие части:

а) внешняя часть (звуковые колебания, идущие из уст к ушам) и внутренняя часть, включающая все прочее;

б) психическая часть и часть непсихическая, из коих вторая включает как происходящие в органах речи физиологические явления, так и физические явления вне человека;

в) активная часть и пассивная часть: активно все то, что идет от ассоциирующего центра одного из говорящих к ушам другого, а пассивно все то, что идет от ушей этого последнего к его ассоциирующему центру.

Наконец, внутри локализуемой в мозгу психической части можно называть экзекутивным все то, что активно ($\Pi \rightarrow O$), и рецептивным все то, что пассивно ($O \leftarrow \Pi$).

К этому надо добавить способность к ассоциации и координации, которая обнаруживается, как только мы переходим к рассмотрению знаков в условиях взаимосвязи; именно эта способность играет важнейшую роль в организации языка как системы.

Но чтобы верно понять эту роль, надо отойти от речевого акта как явления единичного, которое представляет собою всего лишь зародыш речевой деятельности, и перейти к языку как к явлению социальному.

У всех лиц, общающихся вышеуказанным образом с помощью речевой деятельности, неизбежно происходит известного рода выравнивание: все они воспроизводят, хотя, конечно, и не вполне одинаково, примерно одни и те же знаки, связывая их с одними и теми же понятиями.

Какова причина этой социальной «кристаллизации»? Какая из частей речевого акта может быть ответственна за это? Ведь весьма вероятно, что не все они принимают в этом одинаковое участие.

Физическая часть может быть отвергнута сразу. Когда мы слышим разговор на незнакомом нам языке, мы, правда, слышим звуки, но вследствие непонимания того, что говорится, сказанное не составляет для нас социального факта.

Психическая часть речевого акта также мало участвует в «кристаллизации»; ее экзекутивная сторона остается вообще непричастной к этому, ибо исполнение никогда не производится коллективом; оно всегда индивидуально, и здесь всецело распоряжается индивид; мы будем называть это *речью*.

Формирование у говорящих примерно одинаковых для всех психических образов обусловлено функционированием рецептивной и координативной способностей. Как же надо представлять себе этот социальный продукт, чтобы язык вполне выделился, обособившись от всего прочего? Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и образует язык. Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе.

Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного.

Язык не деятельность (*fonction*) говорящего. Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности, и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность, о которой речь будет идти ниже.

Наоборот, речь есть индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (*code*) языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации.

Следует заметить, что мы занимаемся определением предметов, а не слов; поэтому установленные нами различия ничуть не страдают от некоторых двусмысленных терминов, не вполне соответствующих друг другу в различных языках. Так, немецкое *Sprache* соответствует французскому *langue* «язык» и *langage* «речевая деятельность»; немецкое *Rede* приблизительно соответствует французскому *parole* «речь»; однако в нем. *Rede* содержится дополнительное значение: «ораторская речь» (= франц. *discours*); латинское *sermo* означает скорее и *langage* «речевая деятельность» и *parole* «речь», тогда как *lingua* означает *langue* «язык» и т.д. Ни для одного из определенных выше понятий невозможно указать точно соответствующее ему слово, поэтому-то определять слова абсолютно бесполезно; плохо, когда при определении вещей исходят из слов.

Резюмируем теперь основные свойства языка:

1. Язык есть нечто вполне определенное в разнородном множестве фактов речевой деятельности. Его можно локализовать в определенном отрезке рассмотренного нами речевого акта, а именно там, где слуховой образ ассоциируется с понятием. Он представляет собою социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять. Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива. Вместе с тем, чтобы знать его функционирование, индивид должен учиться; ребенок овладевает им лишь мало-помалу. Язык до такой степени есть нечто вполне особое, что человек, лишившийся дара речи, сохраняет язык, поскольку он понимает слышимые им языковые знаки.

2. Язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению. Мы не говорим на мертвых языках, но мы отлично можем овладеть их механизмом. Что же касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них; более того, она вообще возможна лишь при условии, что эти прочие элементы не примешаны к ее объекту.

3. В то время как речевая деятельность в целом имеет характер разнородный, язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное — это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны.

4. Язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с тем они — не абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу. Более того, знаки языка, так сказать, осязаемы: на письме они могут фиксироваться посредством условных написаний, тогда как представляется невозможным во всех подробностях фотографировать акты речи; произнесение самого короткого слова представляет собою бесчисленное множество мускульных движений, которые чрезвычайно трудно познать и изобразить. В языке же, напротив, не существует ничего, кроме акустического образа, который может быть передан посредством определенного зрительного образа. В самом деле, если отвлечься от множества отдельных движений, необходимых для реализации акустического образа в речи, всякий акустический образ оказывается, как мы далее увидим, лишь суммой ограниченного числа элементов, или фонем, которые в свою очередь можно изобразить на письме, при помощи соответствующего числа знаков. Именно возможность фиксировать явления языка позволяет сделать словарь и грамматику верным изображением его: ведь язык — это сокровищница акустических образов, а письмо обеспечивает им осязаемую форму.

§ 3. Место языка в ряду явлений человеческой жизни. Семиология

Сформулированная в § 2 характеристика языка ведет нас к установлению еще более важного положения. Язык, выделенный таким образом из совокупности явлений речевой деятельности, в отличие от этой деятельности в целом, занимает особое место среди проявлений человеческой жизни.

Как мы только что видели, язык есть общественное установление, которое во многом отличается от прочих общественных установлений: политических, юридических и др. Чтобы понять его специфическую природу, надо привлечь ряд новых фактов.

Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости,

с военными сигналами и т.д. и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем.

Следовательно, можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее семиологией (от греч. *zēteion* «знак»). Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. < ... >

Задача лингвиста сводится к выяснению того, что выделяет язык как особую систему в совокупности семиологических явлений. Вопрос этот будет рассмотрен нами ниже; пока запомним лишь одно: если нам впервые удастся найти лингвистике место среди наук, то это только потому, что мы связали ее с семиологией. < ... >

Существует поверхностная точка зрения широкой публики, усматривающей в языке лишь номенклатуру; эта точка зрения уничтожает самую возможность исследования истинной природы языка.

Затем существует точка зрения психологов, изучающих механизм знака у индивида; этот метод самый легкий, но он не ведет далее индивидуального акта речи и не затрагивает знака, по природе своей социального.

Но, даже заметив, что знак надо изучать как общественное явление, обращают внимание лишь на те черты языка, которые связывают его с другими общественными установлениями, более или менее зависящими от нашей воли, и таким образом проходят мимо цели, пропуская те черты, которые присущи только или семиологическим системам вообще, или языку в частности. Ибо знак всегда до некоторой степени ускользает от воли как индивидуальной, так и социальной, в чем и проявляется его существеннейшая, но на первый взгляд наименее заметная черта.

Именно в языке эта черта проявляется наиболее отчетливо, но обнаруживается она в такой области, которая остается наименее изученной; в результате остается неясной необходимость или особая полезность семиологии. Для нас же проблемы лингвистики — это прежде всего проблемы семиологические, и весь ход наших рассуждений получает свой смысл лишь в свете этого основного положения. Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка; а многие лингвистические факторы, кажущиеся на первый взгляд весьма существенными (например, функционирование органов речи), следует рассматривать лишь во вторую очередь, поскольку они служат только для выделения языка из совокупности семиологических систем. Благо-

даря этому не только прольется свет на проблемы лингвистики, но, как мы полагаем, при рассмотрении обрядов, обычаев и т.п. как знаков все эти явления также выступят в новом свете, так что явится потребность объединить их все в рамках семиологии и разъяснить их законами этой науки.